

Услышав это, Цуй Сянь замер. Раз речь шла о жизни и смерти, он резко вскочил и, спотыкаясь, бросился к разбитому окну второго этажа, чтобы выглянуть наружу.

За алыми воротами по-прежнему теснились бесчисленные тени, и нечеловеческих существ становилось, кажется, только больше. Красный фонарь с иероглифом «Цуй», который он собственноручно повесил у входа, теперь висел в сыром, пропитанном иньской ци переулке Лянъи, словно полуприкрытый демонический глаз - зловеще яркий, алый, будто кровь, хлынувшая из перерезанного горла. От прежнего ветхого и неприметного вида, каким он был, когда Цуй Сянь только достал его из шкафа, не осталось и следа.

Цуй Сянь пробормотал:

— Да не может быть... Я ведь всего лишь вставил внутрь фонарик.

Юань Чжэнчу за его спиной смотрел на него и неспешно произнёс:

— Так называемая Лампа пробуждения душ рода Цуй, по преданию, соткана Хуанцюань-ньюй из семи по душ злых духов преисподней. Поэтому фитилём ей служат семь душ-по* самого хранителя лампы, а топливом - его изначальная жизненная энергия. Даже если внутрь ничего не положить, она всё равно загорится. Когда лампа зажжена, вся эта усадьба превращается в особое поле между Инь и Ян: призраки могут обрести видимую форму, а живые - соприкоснуться с миром Инь. Главы рода Цуй, из поколения в поколение занимавшие должность Судьи, именно с её помощью сообщались между двумя мирами, разрушали одержимость и очищали скверну.

(ПП: В даосизме и китайской народной вере «по» (尸, pò) — это одна из двух составляющих человеческой души, наряду с «хунь» (魂, hún). Это семь «духовных» сущностей, которые тесно связаны с телом, его желаниями и земным существованием, в отличие от трёх «хунь», которые считаются более духовными и бессмертными)

Только теперь Цуй Сянь наконец понял, каким ремеслом на самом деле занимались его предки. Дело это и вправду звучало устрашающе. Но что же тогда произошло, если род Цуй, просуществовавший неизвестно сколько поколений, почти в одночасье оказался уничтожен?

Он с рождения ни разу не видел матери. Отец исчез, когда Цуй Сянь был ещё ребёнком, и до сих пор было неизвестно, жив ли он. Спустя несколько лет дед однажды внезапно велел ему просто хорошо жить, не пытаться разыскивать ни его, ни отца и не думать ни о какой кровной мести, а затем точно так же бесследно исчез. И в те годы, когда Цуй Сянь жил один, ему с самого детства и до взросления всё время казалось, будто кто-то за ним наблюдает. В темноте то и дело мелькали человеческие силуэты, и лишь после того, как ему исполнилось восемнадцать, это ощущение постепенно исчезло.

Под его самой обыкновенной, ничем не примечательной жизнью скрывалась тайна, чёрная, бездонная, словно пропасть.

Он давно привык притворяться и прятаться, привык ничем не выдавать себя. Слишком многое годами приходилось подавлять, при этом не зная почти ничего. Лишь во время съёмок, примеряя на себя личность другого человека, он мог хоть немного дать выход тому, что копилось внутри. Родственная привязанность тянула его броситься в эту бездну и докопаться до истины, но последние настойчивые наставления деда словно затягивали на нём узду. Он с огромным трудом сделал первый шаг и вернулся в старый дом, однако вместо ответов получил лишь ещё больше загадок и неизвестных опасностей.

Он и сам не мог понять, чего в нём больше, напряжения или страха. Сердце колотилось так, словно вот-вот выпрыгнет из груди, но сейчас больше всего его всё-таки волновала собственная жизнь.

— Эта Лампа пробуждения душ, она вообще...

Не успел Цуй Сянь договорить, как Юань Чжэнчу прямо ответил:

— Духом сохраняют ци, ци сохраняет форму; нет ци - исчезает и форма. Обычный человек не способен зажечь Лампу пробуждения душ. У линии Судей от рождения непрерывно течёт врождённая ци, к тому же у них есть методы возвращаяния приобретённой ци, поэтому только они могут без помех пользоваться этим артефактом и призывать души.

Договорив до этого места, Юань Чжэнчу холодным взглядом окинул Цуй Сяня с головы до ног:

— Но у тебя лампа горела всего одну ночь, а жизненная энергия уже почти исчерпана.

У Цуй Сяня похолодело внутри. Отводя взгляд, он случайно увидел собственное отражение в оконном стекле и испугался: межбровье отливало синевой, лицо было мертвенно-бледным, и на нём уже проступали признаки близкой смерти.

Пока они говорили, высокая фигура Юань Чжэнчу неизвестно когда оказалась прямо за спиной Цуй Сяня, давя одним своим присутствием. Глядя на отражение в стекле, он наблюдал, как лицо Цуй Сяня под воздействием Лампы пробуждения душ становится всё более синевато-бледным.

— Так кто ты такой на самом деле?

Услышав это, Цуй Сянь почувствовал, как по коже головы пробежал холодок. Ответ уже почти сорвался с языка, но вдруг он вспомнил слова деда из сна - никому не верь.

Чёрная кошка уловила напряжение, готовое в любой момент вспыхнуть, вздыбила шерсть и угрожающе оскалилась на Юань Чжэнчу. Тот одной рукой придержал меч. Так продолжалось до тех пор, пока Цуй Сянь тихо не вздохнул, и его прежде напряжённые плечи понемногу не опустились.

.....

Они разговаривали в комнате всего около половины времени, нужного, чтобы выпить чашку чая. Слова Цуй Сяня были наполовину правдой, наполовину ложью, а Юань Чжэнчу лишь молча слушал, держа меч в объятиях. Что бы Цуй Сянь ни говорил, в конце мужчина лишь взял его за запястье и, с добровольного согласия самого Цуй Сяня, снова проверил пульс. Результат остался прежним: Цуй Сянь был обычным человеком, и в его теле не было ни малейших следов совершенствования.

Вскоре они один за другим появились у входа в старую усадьбу рода Цуй, под Лампой пробуждения душ. Юань Чжэнчу с мечом прокладывал путь среди призраков, а Цуй Сянь, прижимая к себе неизвестно откуда взявшуюся чёрную кошку, которая непременно хотела висеть на нём, следовал вплотную за ним и не смел отойти ни на шаг. Ему казалось, будто в каждом клочке чёрного тумана мерцают бесчисленные глаза, неотрывно следящие за ним и лишь ждущие, когда он хоть немного ослабит внимание, чтобы утащить его во тьму и разорвать на части, пожрав без остатка.

Лампа горела уже всю ночь, и, казалось, все свирепые и злобные призраки Чжоушаня успели собраться здесь. Снаружи улица Ляньи выглядела так, словно призрачная ци взметнулась до небес. Если не остановить это сейчас и позволить нечисти из других мест продолжать стекаться сюда, Чжоушань, пожалуй, и вправду мог превратиться в город призраков.

Даже Юань Чжэнчу не смел проявлять беспечность. Он безостановочно читал заклятие защиты тела, и вокруг него вспыхнул яркий золотой свет, укрывший и его самого, и Цуй Сяня, которого он держал рукой. Из осторожности Юань Чжэнчу не стал первым вступать в столкновение с окружавшей их нечистью: если бы все эти существа разом набросились на них, даже бессмертному пришлось бы несладко, не говоря уже о том, что рядом находился Цуй Сянь, не обладавший ни каплей магической силы.

Жизненная энергия Цуй Сяня была сильно истощена, голова казалась тяжёлой, ноги - ватными, всё тело лишилось сил. И когда с полной помощью Юань Чжэнчу ему наконец удалось снять Лампу пробуждения душ, он уже был весь покрыт потом и едва не падал от изнеможения. В тот самый миг, когда фонарь вот-вот должен был оказаться у него в руках, окружавшие их существа, не способные показываться людям, окончательно обезумели. Юань Чжэнчу уже не мог отвлекаться на что-либо ещё, поэтому схватился за собственное чёрное одеяние и резко сорвал его с себя. Вся подкладка была исписана плотными рядами рукописных талисманов, которые, словно золотые нити, непрерывно струились и двигались. Одним взмахом он набросил плащ прямо на Цуй Сяня, укрыв его с головой.

Юань Чжэнчу тихо, но резко приказал:

— Сосредоточь сознание, верни семь по, смешай их с кровью с кончика языка и дыханием погаси лампу!

Цуй Сянь уже почти окоченел от пронизывающей Иньской ци, но, оказавшись укутанным этим

одеянием, сразу почувствовал тепло, и в теле нашлось немного сил. Не разбираясь больше ни в чём, он сунул руку внутрь лампы и одним движением вытащил оттуда фонарик, затем прокусил кончик языка и с силой выплюнул внутрь фонаря кровь.

Стоило крови коснуться оболочки, как она мгновенно исчезла, бесследно впитавшись внутрь. Странная Лампа пробуждения душ несколько раз мигнула и наконец, всего за мгновение до рассвета, погасла.

Тёмную ночь медленно рассекла узкая полоса бледного утреннего света. Где-то на балконе одного из домов в переулке петух во всё горло прокричал:

— Ку-ка-ре-ку!

Петух прокричал, и Поднебесная озарилась белым светом.

Утренний ветер пронёсся по переулку, Иньская ци полностью рассеялась, мир Инь и мир Ян вновь разделились, а старая усадьба рода Цуй вернулась в человеческий мир. Из переулка уже смутно доносился стук трёхколёсных повозок торговцев, спешивших на утренний рынок.

Цуй Сянь наконец смог перевести дыхание. Всё тело расслабилось, и он, прижимая к себе тёплое чёрное одеяние, присел, привалившись к покрытой красным лаком створке ворот, тяжело и часто дыша.

Хорошо хоть выжил.

Но как раз в тот момент, когда Цуй Сянь, всё ещё слегка оглушённый, начал понемногу расслабляться и терять бдительность, Юань Чжэнчу внезапно повернул голову. Длинный меч со свистом сорвался с его руки и вонзился прямо в тень у стены возле входа в переулок Лянъи.

— Ещё один шаг вперёд, и неважно, человек ты или призрак, убью на месте.

Цуй Сянь мгновенно пришёл в себя и посмотрел в сторону переулка. Из тени вышел человек.

Он невольно удивился: в самый разгар ночи, когда вокруг бесчинствовали десятки тысяч призраков, рядом всё это время кто-то находился и, возможно, всё время тайно за ними наблюдал.

Увидев, что Юань Чжэнчу преградил ему путь летящим мечом, человек у входа в переулок тут же остановился. На нём была длинная синяя даосская одежда. Краем глаза он лишь мельком взглянул на Цуй Сяня, больше не обращая на него внимания, после чего почтительно поклонился Юань Чжэнчу.

— Ученик Ян Мяочжэнь из школы Чжэнъи, горы Лунхушань, приветствует Небесного наставника.

Ян Мяочжэнь поклонился, назвав свою школу, но увидел, что Небесный наставник напротив даже не моргнул и явно не собирался убирать меч, поэтому поспешил продолжить:

— Несколько дней назад двое младших братьев по школе, патрулировавших Циньлин, вернулись в секту и доложили, что новое поколение Небесных наставников Юань покинуло горы, взяв с собой Шэньцзюэ Инь и Ян. Наш патриарх специально направил меня разыскать следы Небесного наставника. Проезжая через Чжоушань, я заметил, что здешнее поле ци пришло в беспорядок, Инь и Ян смешались, и решил, что здесь бесчинствует нечисть. Не ожидал встретить здесь самого Небесного наставника. Как раз кстати: наш патриарх хотел бы встретиться с вами, обменяться опытом и обсудить Путь, а заодно оформить вам необходимые удостоверения.

Юань Чжэнчу немного подумал и поднял руку, возвращая себе Шэньцзюэ Инь и Ян. Уровень совершенствования этого человека был посредственным, значит, скорее всего, он пришёл уже после рассвета, когда усадьба рода Цуй вышла из пространства между Инь и Ян. Иначе призраки непременно обнаружили бы его и сожрали.

Длинный меч тут же вернулся в ножны.

— Мой учитель давно удалился вместе с семьёй в горы и больше не вмешивается в мирские дела. Я спустился с гор ради собственных дел, они никак не связаны с нынешним миром мистических искусств.

Цуй Сянь сидел у основания ворот и наострил уши. Даже он, обычный человек, кое-что слышал о громком имени горы Лунхушань, а Юань Чжэнчу отвечал настолько прямо, что ему оставалось лишь сказать: «Ты вообще кто такой? Я никуда не пойду».

Ян Мяочжэнь впервые встречал человека, который настолько не считался с лицом его школы. Однако, глядя на Шэньцзюэ Инь и Ян, послушно двигавшийся в руке собеседника, а также вспоминая двух людей, которых он только что увидел у входа в переулок совершенно невредимыми среди бушующей призрачной ци, он не осмеливался проявить ни капли неуважения.

— Эм... Небесный наставник, позвольте объяснить. Возможно, вы только недавно покинули горы и пока не знаете нынешних порядков. Сейчас все даосские ученики, которые ходят среди людей, изгоняют призраков и ловят нечисть, должны действовать по удостоверению. Без него открывать алтарь, проводить ритуалы и тому подобное порой бывает весьма неудобно.

Заметив, что Юань Чжэнчу нахмурился, Ян Мяочжэнь покосился на стоявшего позади него юношу с ослабленной жизненной энергией, поверх которого был накинут ритуальный плащ Небесного наставника Юаня. Обычно облачения с талисманными письменами и печатями не давали носить посторонним: с этим было связано немало запретов. Временно одолжить такое

одеяние могли разве что даосскому спутнику или непосредственному ученику. А поскольку Цуй Сянь был мужчиной, Ян Мяочжэнь тут же весьма сообразительно добавил:

— Небесный наставник, сейчас без удостоверения даже принятие ученика официально не признаётся. Хотя бы ради вашего ученика вам всё же стоит оформить документ.

К этому времени Цуй Сянь уже сложил погасшую Лампу пробуждения душ и незаметно спрятал её за спиной. Услышав, что Ян Мяочжэнь назвал его учеником Юань Чжэнчу, он моргнул:

— Эм, я не...

Но Юань Чжэнчу не дал ему договорить и лишь махнул Ян Мяочжэню рукой.

— Через три дня сам приеду с визитом.

Он не хотел больше осложнять дело лишними обстоятельствами. Пусть этот потомок рода Цуй и носил фамилию Цуй, он всё же был лишь обычным человеком. Какими бы тяжёлыми ни были причинно-следственные обязательства рода Цуй, человек, не принадлежащий к миру мистических искусств, не должен был нести их на себе.

Услышав это, Ян Мяочжэнь наконец успокоился: поручение, ради которого он проделал весь этот путь, можно было считать выполненным. Опасаясь, что что-нибудь ещё изменится, он поспешно сложил руки в приветственном жесте, поклонился и ушёл.

К этому времени уже совсем рассвело. Юань Чжэнчу забрал ритуальный плащ, которым укрывал Цуй Сяня, а маленькая чёрная кошка всё ещё висела на его подоле и раскачивалась, словно на качелях, ни за что не желая отпустить. Видно было, что эта малютка прекрасно понимает, где хорошая вещь.

Цуй Сянь открыл рот, чтобы поблагодарить его: как ни крути, не будь Юань Чжэнчу, прошлой ночью он, возможно, уже погиб бы. Но тот ничего не ответил, лишь нахмурился и ещё раз внимательно оглядел Цуй Сяня, после чего перевёл взгляд через его плечо на уходившую в глубину старую усадьбу рода Цуй.

Лишь спустя некоторое время он произнёс:

— Усадьба хороша, но для обычного человека вроде тебя она скорее беда, чем благо. Лучше найди себе другое место для жизни.

Цуй Сянь, услышав это, немного помолчал.

— Спасибо за добрый совет, даочжан. Я запомню.

Сказав всё, что хотел, Юань Чжэнчу снова надел бамбуковую шляпу, развернулся и пошёл прочь.

Цуй Сянь поспешно окликнул его:

— Даочжан! Мы всё-таки вместе через жизнь и смерть прошли. Как мне потом тебя найти?

Юань Чжэнчу был широк в плечах и длинноног, так что за несколько фраз уже успел уйти довольно далеко. Похоже, он не привык так запросто разговаривать с другими, да и выражение «вместе через жизнь и смерть» в данном случае звучало весьма сомнительно, поэтому он ничего не ответил.

Но, дойдя до выхода из переулка, всё же слегка замедлил шаг и, не оборачиваясь, лишь поднял руку и указал на маленькую чёрную кошку, которая сидела на земле, облизывая лапу и умывая мордочку.

Цуй Сянь повернулся к кошке:

— А?

Но когда он снова поднял голову, у входа в переулок уже никого не было.

В полдень солнце сияло вовсю. Цуй Сянь уже всё утро снова перерывал старую усадьбу, открывая сундуки и шкафы. Он хотел до наступления темноты поискать ещё какие-нибудь зацепки. Раз дед во сне велел ему вернуться в старый дом, чтобы спасти жизнь, значит, на то непременно была причина. Однако, сколько он ни искал, в усадьбе попадались лишь всякие странные старые вещицы. Большинство из них Цуй Сянь даже не узнавал, не говоря уже о том, чтобы понять, какая из них способна защитить ему жизнь.

Небо уже начинало темнеть, в старом доме понемногу проступала холодная иньская ци, а сторожевой зверь на алых воротах после пережитого прошлой ночью тоже выглядел вялым и измученным. Цуй Сяню стало не по себе. Усадьба была слишком заметной целью: если защита снова не выдержит, второго Юань Чжэнчу, который придёт ему на помощь, уже может не оказаться.

Цуй Сянь сидел весь в пыли, взвинченный и раздражённый, когда вдруг услышал за спиной звонкое перекатывание бусины по полу. Обернувшись, он увидел, как маленькая чёрная кошка, размахивая хвостом, прыгает туда-сюда и играет с нефритовым шариком.

Он уже знал, что эта кошка необычна: старое одеяло с Дораэмоном, покрытое чёрной шерстью, лунные пряники, внезапно появившиеся на столе, тот огромный рёв со второго этажа

под направленными пальцами-мечом Юань Чжэнчу...

Возможно, это было духовное существо, обитавшее в старом доме и по старой памяти о его предках немного присматривавшее за ним.

При этой мысли до того понуро сидевший на полу Цуй Сянь вдруг выпрямился, глаза его загорелись, и он, хихикая себе под нос: «Хе-хе-хе», бросился к маленькой чёрной кошке.

— Вот ты-то мне и нужна! Сокровище моё.

<http://bllate.org/book/18411/1868441>